

Владимир Фещенко (Москва)

Дейксис как присутствие субъекта в поэтическом тексте: теоретические подходы¹

Одним из инструментов формирования субъективности любого высказывания или текста служит *дейксис*. Ведь именно он «собирает» субъекта из разрозненных слов и фраз в процессе речепорождения. Именно он привязывает языковые выражения к конкретным пространственно-временным координатам и живым субъектам речи, делая каждое коммуникативное событие уникальным и человекомерным. В данной статье мы предложим обзор существующих учений о дейксисе в лингвистике и наметим способы применения дейктических категорий к поэтическому высказыванию и тексту.

Классические теории дейксиса, субъекта и перформативности в языке

Дейксис изучается в рамках теории перформативности как проявления субъекта высказывания в его речевом действии. В современной лингвистике дейксис определяется как

использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, его месту и времени.²

Будучи универсальным свойством языка, дейксис выражается в каждом конкретном языке по-своему, особым репертуаром грамматических и лексических средств. Однако реально он становится действующим механизмом только в конкретном языковом употреблении, в дискурсе. Теория дискурса же начала развиваться в XX веке как раз на основе понятия дейксиса как перформативного момента в функционировании высказывания.

Первым, кто обратил внимание на особый разряд слов в языке, ответственных за репрезентацию субъекта, был немецкий индоевропеист К. Бругман. В статье о демонстративах в индогерманских языках³ он выделил четыре способа указания в языке: указание на говорящего (*Ich-дейксис*), указание на слушающего (*Di-дейксис*), а также *der-дейксис* и *jener-дейксис*. При этом Бругман отмечал, что обилие таких демонстративов

¹ Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-24-06063 «Типология субъекта в русской поэзии 1990-2010-х».

² Кибрик ([http](http://)).

³ Brugman (1904).

особо характерно для такого литературного жанра, как драматургический текст. О лирической поэзии речь здесь не заходит.

Классификация К. Бругмана в дальнейшем развивается его соотечественником К. Бюлером в учении об «указательном поле языка». Им была обозначена базовая схема дейксиса в языке, состоящая из трех компонентов: «я – здесь – сейчас». Схождение этих компонентов в акте высказывания отмечает «исходную точку отсчета» субъективности, называемую Бюлером *origo*:

Имея в качестве исходной точку *Origo* наглядного *здесь*, можно осуществить языковое указание на все другие позиции, если исходной будет точка *Origo* *сейчас* – на все другие моменты времени.⁴

То же самое касается показателя индивида (*я*), по отношению к которому в речевом высказывании выстраиваются все остальные индивиды, участвующие в коммуникации. Бюлер далее выделяет три способа указательности в языке: 1) наглядное указание (*demonstratio ad oculos*), т.е. отсылка к реальности в момент высказывания, 2) дейксис к воображаемому, т.е. отсылка к чему-то в данный момент не присутствующему в момент высказывания, но мысленно представляемому, 3) анафору, т.е. отсылку к каким-либо другим элементам высказывания. Бюлеровская теория указательности строится на анализе повседневного языка и не содержит каких-либо литературных примеров. Лишь однажды он апеллирует к поэзии, но только с целью уравнивать полномочия дейксиса в обыденной и поэтической речи:

Дейксис – это поведение в сфере речевых действий *kat' exochen*, и он остается таковым, если оказывается на службе поэзии.⁵

Далее этого замечания немецкий лингвист не идет. Современные расширения бюлеровской теории дейксиса (например, работы Дж. Лайонза, Ч. Филлмора, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой, А.А. Кибрика, Т.В. Булыгиной, С.А. Крылова, Б.А. Успенского) также не содержат случаев обращения к поэтическому языку.

Со стороны семиотики к явлению, аналогичному дейксису, пришел в своем учении Ч.С. Пирс. Его классификация знаков содержит три типа: знаки-символы, знаки-иконы и знаки-индексы. Последние как раз и соответствуют тому, что К. Бюлер назвал «указательным полем языка». Подлинными знаками-индексами Пирс назвал личные и указательные местоимения. Приводя в пример фразу «на расстоянии тысячи ярдов отсюда», Пирс отмечает, что «отсюда» является таким типом знака, ибо зависит от конкретного расположения субъекта в момент произнесения этой фразы. Индексальность как свойство знаков была положена в основу «прагматического» измерения языка Ч.У. Морриса, того, которое соотносит знаки с говорящим субъектом. В этих учениях мы также не встречаем каких-либо комментариев по поводу поэзии как формы проявления субъективности в

⁴ Бюлер (1993, с. 99).

⁵ Там же, с. 153.

языке. Пожалуй, единственное замечание Морриса о поэзии касается лишь ее ориентированности на оценочность, в отличие от языка науки:

Лирическая поэзия обладает синтаксисом и использует слова, означающие вещи, но ее синтаксис и слова действуют таким образом, что для читателя на первый план выступают ценности и оценки.⁶

Здесь лишь косвенно намекается на доминанту субъективности в поэтическом семиозисе.

Еще одним шагом к выявлению субъективности в языке стала теория Э. Бенвениста. Без обращения к понятию дейксиса он по сути формулирует более общий вариант теории субъекта в языке. Согласно Бенвенисту, именно в языке человек конституируется как субъект. Так же, как и К. Бюлер, как и Ч.С. Пирс, он обращается к примерам личных местоимений как первейших носителей субъективности. Но, в отличие от своих предшественников, акцентирует не язык вообще, а дискурс, единовременный акт индивидуальной речи. Именно в дискурсе, а не в языке как системе, можно в полной мере говорить о проявлении субъективности. Бенвенист называет тот класс слов, который по Бюлеру является дейктическим, и который ранее Б. Расселом был назван «эгоцентрическими словами» – «аутореферентными» словами⁷. Они отсылают только к тому субъекту, который их произносит здесь и сейчас. Хотя Бенвенист в своих поздних работах обращался к анализу поэтических текстов (в частности, Ш. Бодлера), его выводы о природе поэтической речи ограничились лишь замечаниями об особом референциальном мире поэтического высказывания, без каких-либо наблюдений над субъективностью в поэтическом языке. С другой стороны, такой глубокий исследователь поэтической речи, как Р.О. Якобсон, не оставил никаких замечаний об употребимости «шифтеров» (его аналог дейктических слов) в поэтических текстах. С третьей же стороны, французского философа А. Мешонника, наследующего традиции Бенвениста, субъективность в поэзии интересует за пределами языка, с точки зрения довольно мистически понимаемого понятия «ритма»⁸.

Не встречаем мы каких-либо соображений о природе поэтического высказывания и у другого родоначальника лингвистической прагматики Дж. Остина. Вводя свою классификацию «перформативов», он специально оговаривает, что «поэтическое использование языка» не может являться иллокутивным. Более того, Остин, кажется, даже подсмеивается над попытками интерпретации поэтического высказывания в терминах философии языка. Анализируя фразу «Go and catch a falling star» из стиха Джона Донна, он недоумевает как возможно вообще осуществление подобного действия, «поймать падающую звезду». И даже уничижительно называет это «пара-

⁶ Моррис (2001, с. 96).

⁷ Бенвенист (2002, с. 297).

⁸ Мешонник (2014).

зитическим, несерьезным и ненормальным употреблением языка», вменяя это, например, Уитмену, который «призывает парить орла свободы»⁹. На этом размышление Остина о поэзии останавливается. Тем не менее, его теория уже спустя несколько десятилетий вдохновила исследователей на изучение речевых актов в изобразительном искусстве (Т. де Дюв¹⁰) и литературе (Дж. Хиллис Миллер), впрочем, не в поэзии, а в прозе (на примере романов Г. Джеймса)¹¹.

В рамках теории языка синтез всех указанных выше прагматически ориентированных философий языка был осуществлен в книге Ю.С. Степанова 1985 г. «В трехмерном пространстве языка». Выражение прагматического подхода к языку здесь формулируется в понятии «дектики». Степанов производит этот термин от неродственного «дейксису» (от греч. *deiknumi* – «указываю»), но близкого по ему звучанию греческого слова *dechomai* («принимаю в себя», «воспринимаю»). Тем самым бругмановский термин как бы наполняется своей внутренней формой, объединяя смыслы «указательности» и «присваивания» языка говорящим. Дектикой называется то измерение языка, которое связано с отношением слова к субъекту речи. Для такой парадигмы важнейшим оказывается понятие «субъекта». При этом Степанов, развивая идеи Э. Бенвениста, вводит дополнительные уровни субъективности в свой анализ:

Одна из основных линий новой интерпретации высказывания – это расслоение «Я» говорящего на «Я» как подлежащее предложения, «Я» как субъект речи, «Я» как внутреннее «Эго», которое контролирует самого субъекта. И параллельно этому расслаивается сама прагматика: на элементарную часть – «локацию» «Я» в пространстве и времени, на более сложную часть – «локацию» «Я» (уже «Я» осложненного как субъект речи) в отношении к акту говорения, на «локацию» высших порядков – отношение говорящего «Я» к его внутреннему «Эго», которое знает цели говорящего и его намерения лгать или говорить правду и т.д.¹²

К подобному разграничению «слоев» субъекта Степанова подталкивает опыт литературы, в частности, расслоение авторского «я» в нарративе М. Пруста. Здесь же дается намек на существование особой, «дектической» поэтики в литературе Нового времени. И хотя поэтических примеров как таковых в книге не присутствует, Степанов для указания на эту проблему приводит стих Г. Гейне: „Sie liebten sich beide, doch keiner // Wollt' es dem andern gestehn“, и его вольное переложение М. Лермонтовым, как штрих к иллюстрации сложной субъективности в поэтическом высказывании, свойственной уже романтизму.

⁹ Austin (1962, с. 104).

¹⁰ Дюв (2015).

¹¹ Hillis Miller (2001).

¹² Степанов (2010, с. 217-218).

Из этого краткого обзора классических теорий дейксиса, субъективности и перформативности можно заключить, что поэтическое высказывание либо оставлялось за скобками лингвистического анализа (у К. Бюлера и Э. Бенвениста), либо вызывало отторжение своей «несерьезностью» (у Дж. Остина), либо же вписывалось не как специфически поэтическое в «дектическую» парадигму языка (у Ю.С. Степанова). Тем не менее, при разработке теории субъективности применительно к поэзии стоит учитывать общие принципы соотношения высказывания и субъекта, сформулированные в классических работах по языкознанию и философии языка.

Некоторые попытки применения понятия дейксиса к поэтическим текстам

Определенным аналогом лингвистического явления дейксиса в терминах литературоведения выступает уже классическое понятие «лирического я». Специфика именно поэтической субъективности была резюмирована в этих терминах Л.Я. Гинзбург:

Специфика лирики в том, что человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект изображения, но и как его субъект, включенный в эстетическую структуру произведения в качестве действенного ее элемента. При этом прямой разговор от имени лирического я нимало не обязателен. Авторский монолог – это лишь предельная лирическая форма.¹³

В немецкой литературной теории о «поэтическом субъекте» и «лирическом субъекте» как отличном от авторской личности много писал Г. Фридрих, отмечая изменения в субъективации поэтического «я», начиная с поэзии модернизма. Так, относительно А. Рембо и его фразы «я – это другой» он пишет о несовпадении реального биографического «я» и «я» как функции поэтического высказывания:

Субъект поэтической визии – не эмпирическое «я». Другие власти проступают на его место, власти из глубины предличностного характера и направленной мощи [...] «Я» Рембо в его диссонантной многозначности есть результат той оперативной трансформации индивида [...] Художественное «я» может надеть любые маски, распространиться на любые эпохи, народы, способы экзистенции [...] Начиная с Рембо утвердилось аномальное разделение между художественным субъектом и эмпирическим «я», которое в нашу эпоху легко обнаруживается у Эзры Паунда и Сен-Жон Перса, что делает невозможным трактовку современной лирики как биографического высказывания.¹⁴

Фридрих также делает важные замечания, касающиеся языка новой европейской поэзии, однако, не прибегая к собственно лингвистическим анализам.

Литературоведами продуктивно изучаются различные формы присутствия субъекта в литературном произведении на уровне соотношения «ав-

¹³ Гинзбург (1997, с. 10).

¹⁴ Фридрих (2010, с. 75, с. 84-85).

тор-герой-читатель». Между тем случаи исследования языковых способов конструирования субъекта немногочисленны. Те немногие обращения к интересующей нас теме, естественно, базируются на общелингвистических постулатах перформативной парадигмы.

К примеру, о функциях шифтеров в поэтическом языке высказывался Вяч. Вс. Иванов, приводя случаи дейктического выражения категории «определенности-неопределенности». Он же отмечал возросшую роль дейксиса в поэзии XX в., которая сосредоточена на «выражении личности поэта в минуту самого акта поэтической речи»¹⁵. И.И. Ковтунова рассматривала местоименную поэтику как преимущественно лирико-поэтическую разновидность дейксиса. Согласно ее подходу, «дейктические местоимения в поэтических текстах, устанавливая точку зрения воспринимающего, создают образ восприятия мира»¹⁶. В этом направлении были предприняты некоторые конкретные анализы форм присутствия субъекта в поэтическом высказывании. Так, в статье Н.М. Азаровой об одной строчке «В этот день голубых медведей» Хлебникова делается важный вывод о том, что поэтический дейксис в интерпретации философа (в данном случае, Я.С. Друскина) обретает экзистенциальное измерение.¹⁷ Наконец, к дейксису относится напрямую проблема адресации поэтического дискурса. Точнее сказать, адресация входит в дейксис как один из компонентов высказывания (о чем писали М.М. Бахтин и И.И. Ковтунова). Ряд статей из недавнего выпуска серии «Логический анализ языка» разрабатывает эту проблему на материале отдельных поэтических текстов.¹⁸

Отдельно стоило бы отметить работу британского исследователя К. Грина, посвященную проблеме дейксиса в поэтическом тексте.¹⁹ Данный труд – попытка систематического и последовательно лингвистического подхода к функционированию разнообразных дейктических категорий в поэтическом тексте. Базируясь на солидной проработке дейктических понятий в лингвистической прагматике, автор строит свою аргументацию на главном тезисе: инстанция Я в поэзии является точкой отсчета для пространственно-временных координат дейктического контекста. Дейктическим контекстом является при этом не внешний контекст высказывания, а само пространство поэтического текста, тот мир, который создается каждый раз заново в каждом конкретном стихотворении. Тем самым Грин отвергает позицию, согласно которой поэтический мир является лишь подобием мира референциального, притом подобием проблематичным для лингвистического анализа (точка зрения К. Бюлера, Дж. Остина и даже отчасти

¹⁵ Иванов (1979, с. 106).

¹⁶ Ковтунова (1986, с. 26).

¹⁷ Азарова (2008).

¹⁸ Арутюнова (отв. ред., 2012).

¹⁹ Green (1992).

Э. Бенвениста). *Origo* поэтического текста (то есть схождение в одной точке координат «здесь – сейчас – я») каждый раз задается с нуля, без необходимой привязки к референтному миру, и уже разворачивание поэтического текста в целом определяет позиции относительно этого *origo*, а отнюдь не законы референтного мира. Когда мы начинаем говорить в обыденной речи, как правило, *origo* совершенно очевидно (каждый из говорящих знает кто он, и кто его собеседник, где и когда он говорит). В прозаическом тексте это может быть уже не столь очевидно, но тем не менее, сам принцип наррации строится на знании, о ком идет речь, в какой момент времени и в каком пространстве. В лирической поэзии этот *origo* может являться неизвестным, и, стало быть, дейксис не предопределяется заранее знанием читателя, но конституируется в самой организации текста. По выражению исследователя, «дейксис сам пишет поэтический текст»²⁰. Один из примеров, который подробно разбирает Грин, – стихотворение Р. Фроста „Stopping by Woods on a Snowy Evening“:

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.²¹

Это лишь первое четверостишие текста, но здесь уже видно, как на границе определенности и неопределенности работает дейксис на разных уровнях. Грин указывает, во-первых, на соотношение заглавия и первой строки, которое проблематизирует *origo*. Первая строчка практически целиком состоит из дейктических маркеров, но их привязка к субъекту стиха выясняется только к концу текста.

К. Грин предпринимает диахронический анализ функционирования дейксиса на материале небольшой выборки английских поэтов от елизаветинских времен до модернизма Э. Паунда. Таким образом, прослеживаются изменения в использовании дейксиса в разные эпохи и в разных поэтиках. Каждое стихотворение анализируется по единому набору дейктических параметров: 1) референциальный дейксис (указание на конкретные референты), 2) *origo*-дейксис (указание на точку отсчета «здесь – сейчас – я»), 3) пространственно-временной дейксис (привязка к месту и времени), 4) субъективный дейксис (указание на роли субъектов в тексте, включая автора и читателя), 5) дискурсивный дейксис (указание на само производство высказывания), 6) синтаксический дейксис (связность и анафора). В совокупности все эти параметры, или виды дейксиса составляют так называемую «прагматическую рамку, или схему» стихотворения. Представляется, что для анализа современной русской и немецкой поэзии эта методика

²⁰ Там же, с. 48.

²¹ Там же, с. 52.

анализа дейктической структуры текста может быть одной из продуктивных в поисках сущности субъективности в стихе.²²

Кратко упомянем еще одну перспективу изучения дейксиса в поэзии. Она связана с когнитивными исследованиями языка. В когнитивной поэтике дейксис рассматривается как один из способов репрезентации знания. Так, П. Стокуэлл разделяет текстовый дейксис и когнитивный дейксис.²³ Первый отвечает за связность самой формы представления знаний в художественном тексте, а второй за те фреймы, которые формируют знания на содержательном уровне высказываний. Теория дейктических сдвигов (*deictic shifts theory*) моделирует общее восприятие читателя, «погружающегося» в литературный текст, как того читателя, который занимает определенную познавательную позицию внутри мысленно конструируемого мира текста. Эта имагинативная способность и есть дейктический сдвиг, позволяющий читателю понимать дейктические выражения, относящиеся к сдвигаемому дейктическому центру.²⁴ В основном теория дейктических сдвигов применяется к прозаическим произведениям, и она сообщает нам скорее и больше о механизмах чтения как когнитивного процесса, имея меньшее отношение к субъективности поэтического текста. Тем не менее, некоторые положения когнитивной теории относительно фокусировки и дефокусировки языковых единиц в тексте могут помочь в описании сложной субъектно-объектной структуры современной поэзии.

Возможные пути изучения поэтического дейксиса применительно к современной поэзии

Учитывая все вышеизложенные классические теории высказывания и более современные подходы к изучению поэтического дейксиса, можно было бы предложить некоторые методологические очертания дейктического анализа поэтического текста. Такой анализ, основывающийся на исключительно языковых данных текста, мог бы стать частью общей программы исследования субъективности в современной поэтической практике.²⁵ Отметим вкратце несколько пунктов предлагаемого подхода.

²² См. также другое издание под редакцией этого автора: Green (ed., 1995), представляющее собой сборник статей на тему дейксиса в художественных текстах, а также специальный выпуск журнала „Arethusa“, посвященный проблеме дейксиса в древнегреческой лирической поэзии (Felson (ed.) 2004).

²³ Stockwell (2002).

²⁴ См. также Schiedermaier (2004); Tsur (2008); Ахапкин (2012).

²⁵ Некоторые черты такого анализа применительно к экспериментальной американской поэзии предложены в нашей публикации: Фещенко (2015).

Дейксис в поэзии играет повышенную роль, чем в прозе, поскольку указательное поле языка в стихотворной речи намеренно организуется и ритмируется. В результате дейктические элементы языка и текста подвергаются сгущению. Это обстоятельство было отмечено И.И. Ковтуновой на примере местоимения «так»:

Единство и теснота стихового ряда здесь особенно ощутимы как факторы, организующие поэтическую семантику. Они усиливают дейктическое значение слова *так* в предложениях, смысл которых приобретает до некоторой степени самодовлеющий характер – благодаря пунктуационному обособлению и ослабеванию линейной семантической связанности». ²⁶

Рассмотрим следующее стихотворение В. Аристов:

Может быть в северных странах
Светофоры стрекочут
И ночи светлы.
Но у нас, где на перекрёстках
Скрещён красный свет в темноте
Здесь в Хамовниках мягких
Я не спас тебя той июльской ночью
Я не спас тебя
Мы все спасли нас²⁷

Представим, что данное стихотворение было бы изложено прозой, например, так:

Может быть, в северных странах светофоры стрекочут, и ночи светлы. Но у нас, где на перекрестках скрещен красный свет в темноте, здесь в Хамовниках мягких я не спас тебя той июльской ночью. Я не спас тебя. Мы все спасли нас.

В прозаическом фрагменте такие дейктические маркеры, как «может быть», «в странах», «у нас», «здесь в Хамовниках», «я не спас тебя», «той ночью», «мы спасли нас» задавали бы совсем иную, линейно-синтагматическую линию согласования субъектов, объектов и предикатов. Первая фраза вполне однозначно указывала бы на модальность для всего предложения: «может быть, то и другое». Тогда как при стихотворном разбиении эта модальность имеет многозначные векторы предикации. Например, первая строчка может читаться не только как конструкция с вводным модальным «может быть», а и как безлично-бессубъектное высказывание о том, что «в северных странах (некто) может быть» (учитывая отсутствие запятой после может быть). В последних строчках повторенное отдельными стихами «я не спас тебя» задает дейктический сдвиг: «я не спас тебя той июльской ночью» и «я не спас тебя вообще» притом, что это могут быть разные я (разные голоса). При таком прочтении последняя строка «мы все спасли нас» обретала бы смысл, как будто бы неясный, если чи-

²⁶ Ковтунова (1986, с. 58).

²⁷ Аристов (2008, с. 20).

тать эту последнюю строчку прямолинейно. Как можно говорить о «я» и «ты» собирательным «мы все»?.. Но если иметь в виду разные «я» в предшествующих строчках, то этот собирательный смысл «все» становится прозрачнее. Таким образом, дейксис в стиховой речи динамизирует субъективную структуру текста, и, значит, его прагматический смысл.

Вообще, можно рассматривать отдельные строки стихотворного текста как отдельные микровысказывания, составляющие часть макровысказывания – целого текста или его фрагмента. При таком взгляде все стихотворение может рассматриваться как коммуникативное целое, составленное из коммуникативных фрагментов. И именно переходы между этими фрагментами, соотносящимися между собой нелинейными связями в структуре текста в виде строк-высказываний, будут маркировать дейктические сдвиги. Разумеется, если смотреть на стих подобным образом, большинство таких микровысказываний будут выглядеть неоконченными (как высказывание «может быть в северных странах»), но именно их неоконченность будет создавать особый дейксис, не свойственный дейксису прозаической речи. Собственно, при таком подходе соблюдается основной принцип организации стихотворной речи, сформулированный Р.О. Якобсоном (перенесение с оси селекции на ось комбинации) и подтвержденный М.И. Шапиром в его определении стиха как «сквозных парадигматических членений». В данном же случае парадигматическим членениям подвергается дейксис, т.е. указательное поле текста.

Точкой отсчета субъектно-объектной структуры поэтического текста признается не «я» («эго»), а *origo*, т.е. «я» в конкретном «здесь» и «сейчас» (или в терминологии И.И. Ковтуновой, «точка зрения» или «центр восприятия»). При этом движения от этой точки отчета в любой из этих трех позиций каждый раз сдвигают *origo*, в результате чего образуется динамическая субъектная структура текста. В стихотворении В. Аристова это можно проследить следующим образом:

Может быть в северных странах (нулевой субъект, модальность возможности, пространственный дейксис-1)

Светофоры стрекочут (нет дейксиса)

И ночи светлы. (нет дейксиса)

Но у нас, где на перекрёстках (субъективный дейксис-мы-1, пространственный дейксис-2)

Скрещён красный свет в темноте (нет дейксиса)

Здесь в Хамовниках мягких (уточняющий пространственный дейксис-2)

Я не спас тебя той июльской ночью (субъективный дейксис-я-1, субъективный дейксис-ты-1, временной дейксис-1)

Я не спас тебя (субъективный дейксис-я-2, субъективный дейксис-ты-2, нулевой временной дейксис)

Мы все спасли нас (субъективный дейксис-мы-2, удвоенный рефлексивной конструкцией)

Точка отсчета (*origo*) появляется лишь в четвертой строчке, и начинает претерпевать изменения далее по ходу стихотворения. При этом то, что предшествует *origo* (первые четыре строчки), в смысловом плане противостоит следующей части (безличный дейксис дальнего пространства сложному личному дейксису ближнего пространства и дальнего времени), что указывает на многонаправленные траектории дейксиса в стихе. Дейксис с самого начала текста выступает как «неизвестное» или «множество неизвестных» (отсутствие экспозиций, наррации, обыденной логической связности). Поэтический дейксис не предзадан, а задается самой последовательностью и организацией высказываний-строк. Разумеется, подобный дейктический разбор стихотворения остается не полным без других координат анализа – синтаксического (связь соседствующих слов между собой) и семантического (установление референции конкретных элементов стиха к внеположному тексту миру, т.е. конкретные исторические обстоятельства создания стихотворения). Однако анализ внутритекстового дейксиса самого по себе уже способен зафиксировать динамику субъектности, характерную для данного конкретного текста или поэтики данного автора.

Если рассматривать поэтическое высказывание как разновидность высказывания вообще, необходимо признать, что перформативы в поэзии осуществляют прежде всего самореферентную функцию – производят действия при помощи слов, но действия внутри самого языка и текста, воздействуя на язык и текст как таковой. Так, заключительная строчка из стихотворения В. Аристова «Мы все спасли нас» производит действие по сборке всех я- и мы-дейксисов всего стихотворения. «Мы все» здесь – не то же самое, что «мы все» в обыденной коммуникации. В данном тексте «мы все» – это все «я» и «ты» во всех временных и пространственных координатах, размеченных в стихотворении. То есть референтом «мы все» являются не конкретные личности, объединенные чем-то общим, а все те эгоцентрические слова, предшествующие финальному «мы все». Стало быть, поэтический дейксис является предельной манифестацией принципа речи, «обращенной на саму себя», поэтической функции языка.

При анализе дейктического измерения текста целесообразно было бы там, где это возможно, принимать во внимание авторефлексию самого поэта. Иногда такая рефлексия указывает на специфику дейксиса в текстах автора, хотя порой и расходится в частности в поэтической практике. Так, в своих эссе В. Аристов подчеркивает ориентированность лирической поэзии на формулу «я есмь», в отличие от прозы с ее формулой «ты есть» и драмы с ее «мы есть».²⁸ Но как мы видели в приведенном стихе, все три эти формулы задействуются автором в данном стихе. Но по всей видимости, именно синтез этих трех субъективностей и пытается осуществить Аристов в стихотворных опытах.

²⁸ Напр., в Аристов (2010).

В стихотворении, в котором расположение строк на листе нерегулярно (фигурные стихи, отточия, пробелы, зигзаги, пустые фрагменты текста и т.п.), дейксис обретает дополнительный фактор. В таком стихе пространственный дейксис будет работать не только на уровне семантики слов, но и на уровне локализации слов в пространстве текста. Поэтические микровысказывания тут могут составляться из самых разных констелляций слов, букв, иных типографских знаков (у В. Аристова см. особенно стихотворения «Реставрация скатерти», «Созерцание деревца», «Поездка на острова», «Одна балканская страна» и др.)²⁹. Соответственно, в музыкально-ориентированной поэзии будет активизироваться дейксис временной (как, например, в поэзии Е. Мнацакановой).

Наконец, укажем на еще один важный аспект указательности как выражения субъективности в поэтическом высказывании. Речь идет о случаях, когда внутрилингвистический и внутритекстовый дейксис письменного текста сопровождается дейксисом экстралингвистическим. Это может быть жест, голос, движение. Подобное имеет место в случае исполнения поэтического текста или в случае поэтического перформанса. Так, на примере отдельных текстов В. Аристова можно было бы обратиться к их звучащему исполнению. Ведь подчас расстановка пауз и акцентуация звучащего стиха отличаются от письменного варианта текста, и макровысказывания могут члениться на микровысказывания иначе. Возможно, в некоторых случаях, отличались бы и дейктические связи в разных вариантах текста.

Эти положения могут служить одним из возможных способов анализа присутствия субъекта в современной поэзии. Разумеется, чисто лингвистический анализ поэтического дейксиса должен дополняться другими методами изучения субъективности (принятыми или разрабатываемыми в настоящее время в литературоведении, теории дискурса, философии).

Литература

- Азарова, Н. (2008): Две странички Якова Друскина о хлебниковских «Медведях» // Лоцилов, И. Е. (ред.): Интерпретация и авангард: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск. 56-67.
- Аристов, В. (2008): Месторождение. М.
- Аристов, В. (2010): Эссе: онтологические установки и формальные границы // НЛЮ. 4 (104), 2010. М. 84-108.
- Арутюнова, Н. (отв. ред., 2012): Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.
- Ахапкин, Д. (2012): Когнитивная поэтика и проблема дейксиса в художественном тексте // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов. Вып. 5. М. 252-266.

²⁹ Аристов (2008).

- Бюлер, К. (1993): Теория языка: Репрезентативная функция языка. Пер. с нем. под общ. ред. Т. В. Булыгиной. М.
- Бенвенист, Э. (2002): Общая лингвистика. Пер. с франц. Ю. Караулова, В. Мурат, И. Барышева и др. М.
- Гинзбург, Л. (1997): О лирике. М.
- Дюв, Т. де (2015): Артефакт. Пер. с франц. П. Арсеньева // Транслит. 17, 2015. СПб. 24-47.
- Иванов, Вяч. (1979): Категория определенности-неопределенности и шифтеры // Николаева, Т. М. (Отв. ред.): Категория определенности-неопределенности в славянских и балтийских языках. М. 95-99.
- Кибрик, А. ([http](http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html)): Дейксис // Энциклопедия «Кругосвет». www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html (15/06/2014).
- Ковтунова, И. (1986): Поэтический синтаксис. М.
- Мешонник, А. (2014): Рифма и жизнь. М.
- Моррис, Ч. (2001): Основания теории знаков // Степанов, Ю. (сост.): Семиотика: Антология. М. 129-143.
- Степанов, Ю. (2010): В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.
- Фещенко, В. (2015): Телесный дейксис в экспериментальной поэзии: опыт Э.Э. Каммингса // НЛЮ. 5 (135), 2015. М. 43-55.
- Фридрих, Г. (2010). Структура современной лирики. От Бодлера до середины двадцатого столетия. Пер. с нем. Е. Головина. М.
- Austin, J. (1962): *How to Do Things with Words*. Oxford.
- Brugmann, K. (1904): *Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen. Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung*. Leipzig.
- Felson, N. (ed., 2004): *Special Issue: The Poetics of Deixis in Alcman, Pindar, and Other Lyric*. In: *Arethusa*. Volume 37. Number 3.
- Green, K. (1992): *A Study of Deixis in Relation to Lyric Poetry*. Sheffield.
- Green, K. (ed., 1995): *New Essays in Deixis. Discourse, Narrative, Literature*. Amsterdam / Atlanta, GA.
- Hillis Miller, J. (2001): *Speech Acts in Literature*. Stanford.
- Schiedermaier S. (2004): „Lyrisches Ich“ und sprachliches „ich“. *Literarische Funktionen der Deixis*. München.
- Stockwell, P. (2002): *Cognitive Poetics. An Introduction*. London.
- Tsur, R. (2008): *Toward a Theory of Cognitive Poetics*. Brighton / Portland.